

КОЛОНИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В конце XIX – начале XX в. Россия принимала самое активное участие в массовой (трудовой) эмиграции населения из страны. Первыми эмигрировали в Южную Америку немецкие крестьяне, приехавшие из Саратовской и Самарской губерний. Колония была основана в провинции Буэнос-Айрес недалеко от города Олаваррия (Инохо) и в провинции Санта-Фе. В конце XIX в. появились первые колонии российских подданных в Бразилии. Оценивая вклад российских немцев в хозяйство стран Южной Америки, следует отметить: иммигрантами был выполнен значительный объем работ по освоению сельскохозяйственных районов, развитию огородничества, строительству железных дорог, каналов. Немецкие земледельцы выращивали лен и пшеницу.

Ключевые слова: немецкие эмигранты, социокультурная адаптация эмигрантов, «Русские-немцы», земледельческие колонии.

E. Putyatova

THE RUSSIAN GERMAN IN SOUTHERN AMERICA

At the turn of the 20th century Russia took the most active participation in mass (labour) emigration of the population from the country. The German peasants who have arrived from the Saratov and Samara provinces were the first who immigrated to Southern America. The colony was founded in the province of Buenos Aires near the cities Olavarria (Hinojo) and in the province Santa Fe. At the end of the 19th century the first colonies of Russian citizens appeared in Brazil. Estimating the contribution of the Russian labour immigration to the economy of the countries of Southern America, it is necessary to note: the immigrants did a significant amount of works on development of agricultural areas, gardening, construction of railways, channels. The German farmers cultivated flax and wheat.

Key words: German emigrants, sociocultural adaptation of emigrants, the “Russian German”, agricultural colonies.

В конце XIX – начале XX в. Россия принимала самое активное участие массовой (трудовой) эмиграции населения из страны. Мигрировало население в первую оче-

редь западных и юго-западных губерний страны: белорусских, украинских, прибалтийских и польских. По национальному составу основной контингент мигрантов

составляли: евреи, поляки, немцы, литовцы, латыши белорусы. На рубеже веков в ряды мигрантов вливаются русские и украинские крестьяне.

Первыми эмигрировали в Южную Америку (Бразилию) немецкие крестьяне, приехавшие из Саратовской и Самарской губерний. В 1876 г. они основали колонию в Бразилии в провинции Риу-Гранди-ду-Сул, недалеко от города Порту-Алегри. Однако уже через полтора года, недовольные климатом и землей, на которой они не могли выращивать привычную для них пшеницу, иммигранты переехали в Аргентину. Общая численность их составляла девять тысяч человек.

Принято считать, что основной причиной эмиграции явилось введение всеобщей воинской повинности. Так, с середины 70-х гг. XIX в. немецкие эмигранты активно выезжали в США, Канаду, Аргентину и Бразилию [1, с. 98].

Д. О. Куприн начинает отсчет немецкой эмиграции в Южную Америку с 1894 г., т. е. с момента принятия российским правительством решения об отмене льгот при призыве в армию. К 1900 г. в США выехало около 50 тыс. русских немцев. Составляя на рубеже веков 1,4% населения России, немцы составили 5,6% российских иммигрантов [7, с. 12].

Однако не следует думать, что выше названные обстоятельства – единственные причины эмиграции. Скорее к эмиграции подталкивало ухудшение экономического положения в колониях.

В двух номерах журнала «Русская мысль» за 1894 г. была опубликована статья «Развитие колонизации в Аргентине», посвященная истории расселения и проблемам адаптации «русских немцев». А. А. Беркенгейм, автор статьи, писал следующее о причинах эмиграции: «Мне пришлось посетить почти все колонии русских немцев в Аргентине и при этом убедиться, что менонитов среди них нет, ... что они за небольшим исключением католики. На мои расспросы о причинах иммиграции из

России они все в один голос указывают на крайний недостаток и истощение земель. Когда же ко всему этому присоединилась повинность отдавать детей в военную службу – повинность, от которой они считали себя свободными в силу привилегий, дарованных их прародителям, они решили эмигрировать из России» [4, с. 108].

Поселившиеся в Аргентине немецкие колонисты подписали «Проект договора» с начальником Департамента иммиграции (сентябрь 1877 г.), в дальнейшем одобренный Конгрессом республики. В «Проекте договора», в частности, говорилось, что климат и лесистая местность Бразилии для иммигрантов оказались трудно переносимыми, что и заставило их переехать в Аргентину. Генеральный комиссар по делам иммиграции, брал на себя обязанности как представитель Аргентинской республики соблюдать права, которыми пользуются переселенцы: свобода совести, гарантируемая конституцией Аргентинской республики, право на местное самоуправление; предоставление переселенцам земли. Каждая семья получала лес для постройки дома, плуг, лопаты, скот. Отдавать долг государству колонисты должны были в течение пяти лет, начиная выплаты с конца третьего года. Ответственность за взятые кредиты несла как каждая семья, так и община в целом [4]. Главным условием, поставленным аргентинским правительством, стало основание в каждом поселении школы, в которой преподавался бы испанский язык. Государство-реципиент предусмотрело целую систему специальных служб для поддержки иммигрантов. В «Проекте договора», стороны брали на себя следующие обязательства:

- Поселенцы пользуются всеми правами и привилегиями, если они примут все законы страны во всех их частях и им подчинятся.
- Они могут исполнять обряды своей религии.
- Они освобождаются от прямых и основных налогов на срок в 10 лет.

- Они могут свободно избирать из своей среды, согласно соответствующим законам, местную власть.

- До того времени, пока еще общинная власть не выбрана, управление вручается совету из 8 человек, из которых 4 действительных и 4 кандидата; этот совет избирают свободно из среды колонистов и находится под председательством назначенного для сего национального или провинциального чиновника.

- Правительство предоставляет для колоний землю в 6 миль в провинции Санта-Фе, между реками Solado и Cullulu, если только там еще возможно будет найти таковую; в противном случае оно дает землю в других местах той же провинции и в провинции Буэнос-Айрес, по предварительному выбору заинтересованных лиц.

- Земля распределяется на участки в 20 квадратов каждый, между 200 семьями, о которых идет речь, оставшиеся свободными наделы сохраняются только для родственников колонистов, которые придут позже.

- Правительство предоставит землю либо безвозмездно, либо за определенную цену, которая будет уплачена колонистам согласно соответствующим законам.

- Правительство содержит в каждом селении начальную школу, с обязательным преподаванием испанского языка, в которую колонисты обязуются посылать своих детей.

- Правительство предоставляет 200 семьям в виде аванса следующее: путевые расходы из Бразилии в Аргентину; продовольствие на один год. Каждое семейство получает, кроме того, необходимый строевой лес для постройки избы с окнами и дверями, если на избранном ими месте не существуют леса; в случае же, если таковой окажется поблизости, колонисты сами обязаны срубить себе строительный материал для построек, а также нарезать соломы для крыши. Каждое семейство получает также плуг, 2 лопаты, кирку, топор, цепь для колдца, двух быков, 2 дойных коровы, 2 ме-

рина и 1 лошадь, пару свиней, птиц домашних и необходимые семена.

- Каждое семейство дает квитанцию на полученные ими предметы и продовольствие, а по истечении года каждому предоставляется его счет, после чего каждое семейство в течение 5 следующих подряд годовичных сроков, начиная с конца 3-го года, выплатит сумму, которую оно должно.

- Кроме личной ответственности каждого семейства, вся община считается ответственной за авансы, которые каждое из них в отдельности получает и обязуется уплатить недоимки.

- Так как в ближайшем будущем должны прибыть из Европы 5 000 переселенцев той же национальности, то правительство позволяет им свободно высадиться в здешней гавани, дает на издержки для свободного переезда до колонии, которую они себе выберут, и продовольствие на год.

- Точно так же правительство уступает каждому из них до 100 гектаров земли в национальных территориях с выплатой в течение 10 лет без процентов. Если переселенцы хотят, они могут подыскать себе землю в других провинциях.

- Все прочие переселенцы, которые намерены переселиться сюда с юга России, имеют право на все упомянутое в предыдущем пункте, за исключением содержания на год.

Палата депутатов утвердила «Проект договора» и разрешила правительству специальный кредит. Правительства тех провинций, где были основаны колонии, в свою очередь, принимали специальные законы и выдавали кредиты [4, с. 112–113].

Первые колонии были основаны в провинции Буэнос-Айрес недалеко от города Олаваррия (Инохо), и в провинции Санта-Фе [4, с. 110]. К приезду колонистов Сенатом провинции Буэнос-Айрес был издан специальный закон, для основания колонии в Олаваррия. В отличие от «Проекта» 3 сентября 1877 г. Закон, принятый Сенатом провинции, не предполагал бесплатную раздачу земли, она продавалась за

деньги, хотя и по низкой цене. Земля была размежевана, но по закону провинции иммигранты должны были не только самостоятельно обрабатывать землю, но и вести хуторское хозяйство, от чего, привыкшие в России к совместному проживанию крестьяне, наотрез отказались. После длительных переговоров администрация Олаваррии вынуждена была уступить, разрешив колонистам проживание деревней. Иммигранты ссылались на то, что так удобней для обучения детей в школе и безопасней. Колония Инохо была основана переселенцами из Саратовской губернии, Камышенского района, сел Каменка и Шпановка. Некоторое время спустя из России прибыла новая группа переселенцев, которые основали колонии Сан-Мигель и Ньювас. Иммигранты, приехавшие в страну в 1878 г., были отправлены в Диаманте, провинция Энтре-Риос. Правительство провинции также предприняло попытку ввести хуторскую систему, и, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление, попыталось прибегнуть к силе, решив послать в колонию солдат. Иммигранты проявили упорство, и после длительных переговоров специально созданная комиссия решила уступить желанию крестьян селиться деревнями.

В Дьяманте, где участки также были готовы к приезду колонистов, немцы ввели элементы русской общинной системы: староста деревни и мирской сход определяли лучшую и худшую части земли, а затем каждый член общины получал необходимый участок. Каждую из этих частей делили на равные доли; каждый член общины получал столько долей каждой части, сколько участков ему определено правительственной комиссией. Через несколько лет снова происходил передел. Но уже через 15–16 лет общинная система себя изжила и, как констатировал Беркенгейм, осталась лишь в колонии «Протестант» [4, с. 118]. В колониях были школа, больница, клуб и даже банк. Иммигранты оставались верны традициям родины, даже внешний вид их

свидетельствовал о том, что они из России. В книге «По Южной Америке» А. С. Ионин (дипломат и писатель) сообщал, что льняное семя стало главным источником сельскохозяйственной продукции Олаваррии. Посетив колонии, автор отмечал глубокую связь переселенцев с родиной: «На вид они напоминают русских: носят меховые шапки, часто с наушниками, наши смазные сапоги, рубашки с косым воротом или косые армяки. В Олаваррии же, где холодно, — овчинные тулупы» [5, с. 239].

Заботясь об устойчивости иммиграции, развитии колоний и лучшей социокультурной адаптации земледельцев, правительство Аргентины не ошиблось, делая ставку на русско-немецких колонистов, которые пользовались большим уважением в стране. «Эти переселенцы отличаются своим твердым характером, добрыми нравами и любовью к труду» [4, с. 117].

Н. А. Крюков, уполномоченный по сельскому хозяйству Херсонской губернии, путешествуя по стране в 1902–1904 гг., посетил ряд колоний в провинции Буэнос-Айрес. Так, эстансия «Хуагелен» была заселена немецкими крестьянами из Херсонской губернии, Ананьевского уезда. В поселке проживало 100 семей (700) человек, получивших землю в аренду на три года. Арендная плата менялась каждое первое марта. Дома строились из земляного кирпича, вдоль дорог, по квадратам, на которые было разделено имение, по 4–6 домов вместе, так, чтобы они располагались недалеко до пахотной земли.

В течение трех лет колонисты засеивали землю пшеницей, а на четвертый год — люцерной. Таким образом, малопригодные и дикие пастбища превращались в хорошие луга. Кроме пшеницы колонисты сеяли рожь, ячмень, овес. Для немецких колонистов конструировались специальные плуги, получившие название «русские».

Огромное имение в южной части провинции принадлежало Эдуарду Кази. На его землях были созданы колонии общества «Курумален» (Пигуэ, Аройо-Корто,

Саусэ-Корто, недалеко от Олаваррии). Еще до приезда иммигрантов здесь начали строить временные дома из волнистого оцинкованного железа. Дома строились группами, по четыре. Семьям иммигрантов выдавался инвентарь, скот и предметы личной необходимости: одежда и табак из специально открытых магазинов. В эти колонии Кази и пригласил «русских немцев», которые имели репутацию трудолюбивых и честных земледельцев. К 1893 г., через девять лет после основания колоний, земледельцы выплатили все долги и стали собственниками земли.

Такого же рода колония «Торнквист», состоявшая из русских и швейцарских немцев, была основана обществом «Торнквист и. К», недалеко от Баия-Бланка [5, с. 118]. Земли в имении распродавались, отдавались в аренду. Здесь поселились выходцы из Самарской и Саратовской губерний. Несколько колоний возникло недалеко от станции Коронель. «Каждая колония, — сообщал Крюков, — имеет вид поселка или деревни. Дома в колониях в один этаж под железной крышей; везде хорошие заборы, прочные ворота и солидные надворные постройки... При каждом доме есть сад и огород; в колонии есть общественные заведения — школы, церкви, мельницы, несколько гостиниц, лавок и проч. Женщины пекут хлеб, дома в каждой семье есть запас овощей. Кроме того, из России привезли привычку пить чай, и пьют его везде 2–3 раза в день, а у многих есть самовары, которые они привезли из России» [6, с. 181].

К 1909 г. немецких колонистов в провинции Буэнос-Айрес было уже 15 тысяч человек, а в провинции Пампа, в Энтре-Риос — до 30 тысяч.

Русские дипломаты М. Горяинов и В. Шульц, посетившие в 1909 г. колонии «русских немцев» Энохо, Сан-Мигель и Коронель [2, с. 46] в провинции Буэнос-Айрес, констатировали, что даже после 30-летнего пребывания в Аргентине колонисты не переставали считать себя русскими, и все,

происходившее на родине, находило у них живой интерес. В праздничные дни они украшали дома русскими флагами, во время русско-японской войны делали пожертвования в пользу Красного Креста, некоторые из колонистов продолжали одеваться по-русски. «Внутри убранство домов является скромным, — писал Горяинов, — при входе невольно бросаются в глаза высокие постели с большими взбитыми перинами, над которыми с потолка спускается полог в виде балдахина, вокруг стола тянутся узкие скамьи» [2].

Однако далеко не все шло гладко. Так, немецкие колонисты, выходцы из России, за шесть лет своего проживания в районе железнодорожных станций Макинча и Гуатриче собрали только один хороший урожай. В 1909 и 1910 гг. урожаи пропали из-за мороза и засухи. 113 семейств, доведенных до крайности, собрали средства и отправили в Буэнос-Айрес двух доверенных, которые явились к Штейну с прошением о помощи на имя правительства: Штейн отвез прошение Министру земледелия, но пока вопрос решался, из Макинча пришла телеграмма о том, что переселенцы учинили мятеж, решили взять приступом все торговые заведения. Это известие, подхваченное прессой, произвело в Буэнос-Айресе панику. «Президент республики, газетные репортеры делали на меня облавы, — докладывал Штейн, — чтобы в точности узнать, что можно ожидать от восставших русских, словом, переполох был полный, и то, что не сделали бы никакие просьбы и аргументы, в одну минуту сделал призраком аграрного погрома «по русскому образцу». Немедленно был послан чиновник с пятнадцатью тысячами песо для раздачи наиболее потерпевшим. Парламенту провинции выделили триста тысяч песо на приобретение семян и муки. Более того, «правительство договорилось с железнодорожными кампаниями о бесплатном проезде всех лишившихся урожая в те местности, где хлеба в этом году уродились очень хорошо, дабы дать им поденный заработок.

Дознание показало, что бунт только предполагался... где-то, кто-то слышал, как кто-то из «русских» говорил: “чем с голоду помирать – лучше хлеб силой взять”. Местная власть, узнав об этом, устроила переполох, без которого, я смело могу сказать, никогда здешнее правительство, вообще относящееся к русским не слишком доброжелательно, и не подумало бы поступить так быстро и толково» [3, с. 51–51об.].

Эмиграция из России в Бразилию, началась в 70-х годах XIX в. [5, с. 9, 64]. Первыми среди иммигрантов стали немецкие земледельцы, поселившиеся в штате Парана. Иммигрантов сразу же отправили в Куритибу, но оказалось, что условия жизни и климат переселенцам не подходят. После двух лет мытарств, большая часть из них уехала в Аргентину.

К 90-м гг. XIX в. появились первые колонии российских подданных в Бразилии. Россияне расселились следующим образом: в штате Рио-де-Жанейро – немцы, в Минас-Жераис – поляки. Недалеко от Сан-Паулу обосновались латыши, эстонцы, поляки, украинцы. В штате Санта-Катарина – немцы из приволжских губерний, эстонцы и русские из Витебской, Саратовской и Крымской губерний. Наличие большой семьи, взрослых и здоровых детей, особенно сыновей, при благоприятном климате и удаче давала возможность стать более успешными хозяевами, чем людям малосемейным, одиноким, а также тем семьям, где дети по возрасту еще не могли работать. Посетившие колонию «Новая Европа» в Сан-Паулу (1912 г.), представители Добровольного флота В. Н. Китаев и Дж. Л. Росс, посетили хозяйство

немцев, эмигрировавших из Крыма, особо подчеркивали, что это были большие семьи [8, л. 57].

В целом иммигранты, не забывая о России, перенеся на новое место старые привычки, быт, манеры, хорошо адаптировались в новой среде. Объяснить это можно двумя обстоятельствами: первое – часть из них, например немецкие колонисты, занималась привычным сельскохозяйственным трудом. Им не нужно было менять род занятий, а следовательно, не менялся и их социальный статус. Ко второму, не менее важному фактору можно отнести социальную поддержку: немецкие колонисты селились компактно, колониями и могли рассчитывать на поддержку близких им людей в иной социокультурной среде.

Оценивая вклад российской трудовой иммиграции в хозяйство стран Южной Америки, следует отметить: иммигрантами был выполнен значительный объем работ по освоению сельскохозяйственных районов, развитию огородничества: культивировали ряд сельскохозяйственных культур, разводили сады, занимались огородничеством, строительством железных дорог, каналов. Из России земледельцы перенесли в Аргентину культуру выращивания льна и пшеницы.

Именно выходцы из России распространили в Аргентине люцерну. В Уругвае большое место на полях занимал подсолнечник. Эту культуру завезли в страну русские переселенцы, их вклад в развитие сельского хозяйства страны значителен. В Бразилии иммигранты работали на хлопковых плантациях, в угольных шахтах и марганцевых рудниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананян Е. В. Начало эмиграции немцев Поволжья в Латинскую Америку // Латинская Америка. – 2004. – № 4. – С. 97–101.
2. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия, 1909. Д. 14.
3. АВПРИ. Ф. К. 1910. Д. 15.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

4. *Беркенгейм А. М.* Развитие колонизации и устройство земледельческих колоний в Аргентине // Русская мысль. – М., 1894. – № 9, 10.
5. *Ионин А. С.* По Южной Америке. – СПб., 1892. – Т. 2. – 462 с.
6. *Крюков Н. А.* Аргентина. Сельское хозяйство в Аргентине в связи с общим развитием страны. – СПб., 1911. – 521 с.
7. *Куприн Д. О.* Эмиграция из России в конце XIX – начале XX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2000 .
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 95. Оп. 7. Д. 78.
9. *Стрелко А. А.* Трудящиеся-иммигранты из России в Бразилии (конец XIX – начало XX в.) // Россия, СССР – Бразилия: 150 лет отношений. – М., 1980. – С. 62–71.